

ВОВЕК НЕ ИЗБЫТЬ И ВОВЕК НЕ ЗАБЫТЬ

Сухов Федор Григорьевич прожил столько, сколько просуществовал СССР. Он родился 14 марта 1922 года в селе Красный Оселок Лысковского уезда Нижегородской губернии в семье старообрядцев. А упокоился 5 января 1992 года, исповедавшись и причастившись, в своей нижегородской квартире под молитвы и на руках своей венчанной жены — труженицы тыла, награжденной за трудовую доблесть медалями, Клавдии Ермолаевны, матери его пятерых детей. Похоронить себя завещал в могиле дедушки Петра Матвеевича и бабушки Анисьи Максимовны на заброшенном староверском погосте в яблоневых садах родного Красного Оселка.

Вся биография Федора Сухова — в его книгах. Свое детство и свою семью он описал в неоконченной повести «Буреполом» — она вышла в 2017 году в Нижнем Новгороде. Военные годы — в лирической хронике «Ивница», двадцатилетнем труде (1963–1983): «...наконец-то завершил свою, пожалуй, самую значительную работу лирическое повествование “Ивница”. Думается, о войне так еще никто не писал. Да это и не о войне, это о том, как противна война самой человеческой сущности, как она жестоко пожирает людей, как те же люди, ослепленные разожженной ненавистью, в сущности, охотятся друг на друга, убивают друг друга». Лирическая хроника о сожженных мирных жителях села Ивница Курской области выходила отрывками при жизни поэта в журналах «Огонек», «Аврора», «Волга». После смерти автора публиковалась частями в Н. Новгороде, Волгограде, Москве. К 75-летию Победы в 2020 году вышла полностью, с предисловием и комментариями в Нижнем Новгороде.

Если поэта спрашивали о его жизни, он отвечал: «Она в моих стихах». В новой книге «Остро ноет железный осколок, что получен на Курской дуге» — весь боевой путь Сухова. Она приурочена к 80-летию юбилею битвы на Курской дуге, юбилею Сталинградской битвы (в нее включена поэма и «Земляника на снегу» о пленении фельдмаршала Паулюса) и к 100-летию юбилею самого автора.

Студентом сельхозрабфака Федор Сухов летом 1941 года был мобилизован, повели его мать и отец из родного села на призывной пункт Лыскова («Провожали

Федор Сухов. Фото военных лет

Федор Сухов прошел ускоренный курс обучения в Ташкентском пехотном училище. А в 1990 году он уже сам 4 дня на поезде ехал туда, чтобы подарить журналы с «Ивницей», но его не впустили в училище. Правда, потом, усовестившись, прислали поздравительную открытку — 9 Мая в 1991 году. После окончания училища повезли младшего лейтенанта на Воронежский фронт («Нас в телячьих вагонах везли на войну»). 10 июня 1942 года на станции Узень под Воронежем принял первый бой, впервые увидел смерть товарища («Могила неизвестного солдата»). С противотанковым ружьем («В дыму всемирного пожара») и командиром взвода противотанковой «своей сорокапятки» три года провел Сухов на войне:

Все-то дни и все-то, все-то ночи
Пропадал я на передовой.
Фронтовой страды чернорабочий,
Каторжник с отпегтой головой.

Три года — в крошечном огне, три года в крошечном пожаре («Все пули летели в меня»):

Не я убивал на войне —
Меня на войне убивали.

Федор Сухов не переставал «писать стихи, наивно веря, что это убережет от смерти» и на фронте: 16 апреля 1944 года в Полесье он впервые увидел свои строчки в газете «Красная Армия» от 6 апреля — это было стихотворение «Великий путь»:

Войны прошел немалый срок,
Печаль и радость мы познали...

Победоносно прошагал старший лейтенант Ф. Сухов со своим взводом по дограмм Беларуси, Польши, дойдя до Восточной Пруссии: «Вспоминается город Барт. В Барт мы вступили второго мая. Город сдался на милость победителей». Больше года прослужил в Германии, был комендантом небольшого немецкого городка, «в августе 1946 года демобилизовался. Заявился в родное село. Пошли дожди. Все осталось в поле. До 1949 года жил и работал в колхозе. На себе пахали усадьбы».

меня на войну»). Оттуда поплыл он, мобилизованный, «боящийся своих мальчишеских слез», на белом пароходе вниз по Волге в Казань, куда родная мать с мешком яблок, дабы задобрить командира, и сама вскоре приплыла навестить единственного сыночка. А затем отправили ниже от родимой матери — к мачехе-войне («Помоха»), до села Курдюма Саратовской области, там новобранцы валили лес: «Подходит сентябрь 1941 года, начинает холодить. А мы ночуем под кустами, дрожим все еще в своей гражданской одежонке. В какой-то день обмундировываемся в какое-то тряпье, которое было снято с тех, кто воевал в Финляндии в 1940 году. Начинаем копать землянки. Копаем и ходим в лес, таскаем на себе бревна. И — голодные».

Через всю страну привезли в Ташкент на обучение. С сентября 1941 по апрель 1942 года Фе-

Что победа, твоя ли, моя ли?
Только пепел большого костра,
Только слезы, что стали морями,
Да безмолвные чьи-то уста.

С 1949 по 1954 год — Литинститут, друзья: контуженный, жженный С. Орлов, давний друг В. Семакин, беспечный, не сберегший себя В. Авдеев.

В страшные минуты судьбины, когда приходилось заставлять себя жить дальше, поэт не трусит, ему уже ничего не страшно:

А если иноходец мой, мой конь,
А если он споткнулся в самом деле,
Я вызываю на себя огонь,
Тяжелые, гремите, батареи!

С 1963 года несколько лет пешком ходил «по своим ранам» от Воронежа до Беларуси. Встретился и подружился со следопытами в Ивнице, 9 мая 1991 года был там в последний раз. Часто его огорчало, что мертвых солдат чтут больше, чем живых («Плаха»).

Нет, не памятники, неobelisks —
Дикий ужас видится мне.

Поэт-фронтовик Федор Сухов как христианин был противником всякой бойни и предупреждал нас, что «ежели разразится новая война, война эта не будет ни для кого победоносной. И все-таки люди играют с огнем».

Не гляди величаво, победно
На себя самого, человек.

«В День поминовения усопших я, убитый, на ноги встаю...» — напишет поэт в одном из своих последних стихотворений о войне.

Ни Сухов Федор Григорьевич — старший лейтенант, командир взвода противотанковых орудий, награжденный медалью «За Отвагу», боевыми орденами Красной звезды и Великой Отечественной войны II степени, инвалид ВОВ 1 группы, ни его жена, медсестра и киномеханик (выхаживала раненых в госпиталях, крутила им кино в кинотеатрах Саратова и Энгельса), инвалидка 2 группы, не дожили до того времени, когда государство стало заботиться о ветеранах. Вся жизнь, забыв о болезнях, работали. При жизни у поэта Федора Сухова благодаря заботе о нем его жены, Клавдии Ермолаевны, вышло 25 книг стихов в Горьком, Волгограде, Москве и более 1000 публикаций в журналах.

«Всем усопшим и всем убиенным память вечную воздадим!»

Архив поэта находится в его нижегородской квартире. Часть архива, оставшаяся в деревенском доме, присвоена или уничтожена чужими людьми. Он лишился дома в деревне за два года до смерти. Все свое наследие завещал дочери, то есть мне. К сожалению, я не могу попасть в этот дом и разыскать оставленные им рукописи.

Елена СУХОВА

Просыпаюсь вместе с петухами,
 С пастухами — на ноги встаю
 И хватаю жадными руками
 Водяную скользкую струю.

Чудотворной свежестью колодца,
 Той водой, что льется из ковша,
 Я смываю с глаз своих коросту,
 Чтобы с солнцем сблизилась душа.

Чтоб она, душа моя, понуро
 По большой дороге не брела.
 Чтоб ее, как дерево, минула
 Молнии каленая стрела.

А уж если встречу с неминучей,
 Тучей повстречаюсь грозовой.
 Встану под березою дремучей.
 Под ее развесистой листвою.

В жаркий полдень там, где водянела,
 Там, где млела скошенная рожь,
 Я услышу всей спиной, всем телом
 Зябко набегающую дрожь.

И тогда-то грохнет надо мною,
 Вдрогнет потемневшая земля, —
 Новою неслыханной войною
 Ополчится небо на меня.

Только я без стопа и без крика
 Сгину в полыхающем огне, —
 Я давно убит на той великой,
 На своей единственной войне.

1966

Могила неизвестного солдата,
 А над могилой памятная дата...
 А над могилой памятная дата
 Великой сокрушительной войны.
 Могила неизвестного солдата
 Под сенью древней каменной стены.

Сменяется почетный караул,
 Печатный шаг торжественен и четок.

Пехотный полк успешно развернул
Атаку с занимаемых высоток.
Рванулся из окопов. Кто бы знал,
Что значит приподняться и рвануться?
Боюсь, моя далекая весна,
К твоим тяжелым ранам прикоснуться.

Вспоминанья глухи и пестры.
Вдруг сердце запрокинул пулеметчик.
Снежинок легкокрылые персты
Легли на леденеющие очи.
Потеря единичного бойца
Не очень-то великая потеря.
Полк без потерь в поселок ворвался,
Спиной запорошенной потея.

Передохнуть бы, посидеть в тепле
Каким-то чудом уцелевшей хаты.
Но так уж повелось, знать, на земле,
Своим теплом лишь греются солдаты.

А пулеметчик, тихий паренек,
Он даже со своим теплом простился.
Декабрьской ночи траурный венок
На траурную землю опустил:

Кроваво обозначился закат,
Снежинки пеплом сыплются с заката.
Бельмом окна взглянула на солдат
Давным-давно нетопленная хата.

Сильнее заворачивал мороз,
Щетинился примкнутыми штыками.
Рассыпчато хрустел он, как овес,
Нешибкими усталыми шагами.

Полк уходил на запад, на закат,
Юлясь, стелилась по полю поземка,
Змеилась возле овдовевших хат
Другого одинокого поселка.

Но вскоре все утихло, улеглось,
Смягчился, успокоился мороз,
Он больше нос свой никуда не сунет,
Он чуть ли не до пояса оброс
Седой, слюнявой бородой сосулк.

Оттаяли, очнулись, отошли
Небесно голубеющие очи,
Он приподнялся, встал с сырой земли
Покинутый, забытый пулеметчик.

«Держись, дружок, подальше от огня», —
Струилась в уши чья-то осторожность.
Но он сказал:
«Да разве можно?
Товарищи! Да как же без меня?..»

Шагал солдат с увала на увал,
При пушке был он и при миномете.
Случалось так: он даже побывал
В штрафной, изрядно поредевшей роте.

А умирая, об одном просил,
Чтоб больше небо никогда не мглилось,
Чтобы его могильный холмик был
Последнею солдатскою могилой.

Чтоб жаворонок высоко вспорхнул,
Хмельной от солнца, радости, весны.
.....
Сменяется почетный караул
Под сенью древней каменной стены.

1967

ВЫЗЫВАЮ НА СЕБЯ...

Мне говорят, что я такой-сякой,
Я злюсь, бешусь и, остывая, плачу...
А может, я действительно плохой,
А может, вправду ничего не значу?

Скажи, как быть мне, как мне поступить,
Мой давний друг? Но рядом нету друга.
Какой ценой спокойствие купить,
Что полюбить и что мне разлюбить,

Скажи, мой друг? Но рядом нету друга.
Вываю всей испытанной любовью.
Но вижу только пепел да золу
Да серых галок над печной трубою.

Я вижу, как слетелось воронье
Над полем, изувеченным войною.
Выкаркивая дикое вранье,
Оно уже вскружило надо мною.

А друга нет, его все нет и нет,
Быть может, никогда его не будет.
Взошла луна, ее унылый свет —
Меня он не согреет, не остудит.

Хочу забыться я, заснуть хочу,
Но кто-то вдруг натруженной ладонью
Меня тихонько стукнул по плечу,
Как будто облил ключевой водою.

Я вскакиваю. Кто это? Постой,
Да это... Друг мой, кто это? Постой-ка...
Пилотка с зазелененной звездой,
Окопная простая гимнастерка.

Кирзовые большие сапоги,
И весь измокший парус плащ-палатки,
И автомат, и сбоку у ноги
Точеный черен шанцевой лопатки.

Я узнаю, себя я узнаю
Далекого, бывшего, фронтового,
Себе, далекому, я руку подаю
И говорю приветственное слово.

Потом иду я, сквозь огонь иду,
И падаю, и — снова поднимаюсь.
Несу свою священную звезду
К победному торжественному маю.

Забыт, и сон забыт, забыт покой,
Иду и свято верую в удачу.
Так, значит, я не очень-то плохой,
Так, значит, я чего-нибудь да значу.

А если иноходец мой, мой конь,
А если он споткнулся в самом деле,
Я вызываю на себя огонь,
Тяжелые, гремите, батареи!

И не жалею, мой давний друг, меня,
И не печаль опущенного взгляда, —
Ты сам погиб от своего огня,
От своего тяжелого снаряда.

1970

* * *

Эти горести и эти беды,
Этот голубеющий причал...
Радость завоеванной Победы
И ее великая печаль.

Возложу печаль свою на камень,
На безмолвно стынущий гранит,

Снова повстречаюсь с земляками
Возле наших сельских пирамид.

Что скажу я? Что я проглаголю?
Бедная, не шевелись, трава —
Неубитому, живому горю
Не нужны убитые слова.

1977

* * *

Навеки неизбывна, дорога,
Печалит душу всякая утрата.
Не хвастайся, что убивал врага —
Ты убивал обманутого брата.

Ты сам не раз обманывался, сам
К пьянящему прикладывался зелью,
Ты падал, чтоб подняться к небесам,
Ты поднимался, чтоб упасть на землю.

А на земле такая коловерть,
А на земле такая завихруха!
Своей косою размахивает смерть,
Все сенокосит алчная старуха.

Подкошенная падает трава,
Повсюду кровенеет земляника,
И васильков земная синева
От галочьего замирает крика.

А тут еще и ворон леденит,
Гортанным криком холодит гвоздику.
Забытый холмик между двух раки
Тревожит полуночную дроздику.

Навеки неизбывна, дорога,
Печалит душу всякая утрата.
Не хвастайся, что убивал врага —
Ты убивал обманутого брата.

1980

* * *

Говорят: все исчезнет бесследно,
Ни морей не увидишь, ни рек.
Не гляди величаво, победно
На себя самого, человек.

Что победа, твоя ли, моя ли?
Только пепел большого костра,
Только слезы, что стали морями,
Да безмолвные чьи-то уста.

1982

* * *

Нас в телячьих вагонах везли на войну,
Пахло прелой соломой в телячьих вагонах...
Искушая свою и чужую вину,
Гибли мы — от бомбежек — на всех перегонах.

На железнодорожной ночной колее
Оставляли себя калужане, волжане.
Вот какая она, эта верть-переверть,
Как каплюжит она проливными дождями!

Было так, отпоют поутру соловьи,
Пребывали они в недалекой дуброве,
Громобойно кричали рулады свои,
Охмелев, озверев от пролившейся крови.

От росы, что пролилась на зеленыя,
На траву-мураву благодатно упала.
Не чужая — родная дышала земля,
Трепетала еще не убитой купавой.

Колокольчиком стыла в волчином логоу,
Чабрецом медовела в горсти буерака.
Кто-то может, а я до сих пор не могу
Оградить посошок свой от давнего страха.

Вижу — ласково-ласково цедится дождь,
Освежая, холодит рябину, калину,
Сыплет ивовой серебри зябкую дрожь,
Мурашит воробьиной зари луговину.

Поспешает, торопит себя к лебеду,
Лебедю порос неглубокий окопчик,
Но еще не утих, ежеутьрь, ежедень,
Заливаясь, звенит мой лесной колокольчик.

9 марта 1991

В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

В День поминовения усопших
Я, усопший, на ноги встаю.
Слышу я, как на Десне, на Соже
Ветер просыпается, тревожит,
Овекает голову мою.

Голова моя была убита,
Я носил ее и не сносил...
Не стихает давняя обида,
Кованые грохают копыта
В мороси трясущихся осин.

В голенастой пестряди березок
Кони топают к передовой,
Топора отточенное лезо
К раздождившимся припало лозам —
Месяц народился молодой.

Нависает кособокий месяц
Над блескучей серебряю реки,
Белорусские печалит веси,
Знаю я, я ведаю — в Залесье
Дивные синеют васильки.

Не во ржи, не в жите — середь сосен
Васильковая храбрится синь.
В Беловеже — к партизанке Зосе
На зеленом заливном покосе
Утренняя прикоснулась стынь.

Холоднее сделалось на Соже,
Лихорадит блеклую струю, —
В День поминовения усопших
В заповедной, невеликой роще
Я, усопший, на ноги встаю.

22 июня 1991